

Глава 8 - Сообщить тебе обе новости разом — тебя бы это убило.

Хэ Динбан едва удержался, чтобы не вскочить и не огреть младшего сына. — Ах ты, молокосос! Целыми днями в телефоне торчишь, а путному ничему не научился! Разве не умеешь разговаривать по-человечески? Заткнись!

— Что ни говори — ничего этим не изменить, — сказал Хэ Жучжу с озабоченным видом, поглядывая на Хэ Жусюэ. — Старшая сестра, ты меня чуть ли не вырастила сама. Бабушка не бросит тебя — значит, и ты меня не бросишь, правда?

Второй сын, Хэ Жусун, скривился, лицо потемнело от недовольства. — Что за разговоры? Все бросились спасаться в шлюпки, едва прогремела беда? Неужели вы уже приняли, что не являетесь Хэ? Я не могу с этим смириться!

Он посмотрел на молчащую бабушку Хэ, почти готовый расплакаться. — Бабушка, ты видела, как мы все росли. Я с детства знал, что у меня нет матери, и что отец ненадёжен, — но никогда не чувствовал себя жалким, потому что ты была опорой этой семьи. Дедушка... дедушка предал тебя — но неужели вся та любовь за все эти годы была ненастоящей? ...Не знаю, что ещё сказать, но я очень не хочу, чтобы наша семья рассыпалась...

Бабушка Хэ не отвечала. Она по-прежнему смотрела на дедушку Хэ — куда спокойнее, чем прежде. — Говори.

Дедушка Хэ опёрся на трость, и за это короткое время, казалось, заметно ссутулился.

— В те времена... я работал в «Группе Хэ» — один из сотрудников, которого твой отец и ты сама заприметили и хотели взять в зятья... — признался дедушка Хэ постаревшим, истёртым голосом. — Ты спросила, женат ли я. Я солгал. Тогда у меня была девушка, из родных мест...

Мужчина, которого теперь все знали как дедушку Хэ, — а в действительности Цинь Кай, — продолжал.

Хотя тогда он не был одинок, когда молодая бабушка Хэ задала ему этот вопрос, он догадался о её намерении. Упустить такой золотой шанс было невозможно, и он ответил, что холост. Чтобы расположить её к себе ещё больше, он даже сказал, что никогда прежде не бывал в отношениях.

Обманув отца и дочь из семьи Хэ, Цинь Кай разорвал отношения с подругой. Вскоре он женился на наследнице семьи Хэ — Хэ Ин, — став завидным зятем «Группы Хэ».

Услышав это, бабушка Хэ Ин ощутила жгучую иронию. — Классическая история провинциального выскочки. За годы я насмотрелась на такие некрасивые драмы в других семьях — и всякий раз самодовольно думала, что сама не ошиблась в человеке. Вот оно как...

Неудивительно, что ты сумел прижить ублюдка. Та бывшая твоя — она и есть биологическая мать этого ублюдка?

Услышав, что бабушка Хэ больше не называет его по имени, а открыто говорит «ублюдок», Хэ Динбан ощутил, как сердце упало в пропасть. Он не посмел издать ни звука — боялся привлечь к себе её взгляд.

Губы дедушки Хэ задрожали. Отрицать было бессмысленно, да и что даст отрицание? Разве поможет делу заявление, что биологическая мать Хэ Динбана — какая-то другая, незнакомая женщина?

Он продолжал.

Его бывшая девушка тоже приехала покорять город А, как и он сам. После того как он внезапно и без объяснений бросил её, она не устроила скандала и просто оборвала всякую связь. Лишь на второй год его брака она сама дала о себе знать.

Бывшая подруга сказала, что получила письмо из дома: все старики в её семье тяжело больны, нужны деньги на операции. Она в тупике. Зная, что он теперь зять богатого семейства, она пришла просить денег.

Она также пообещала, что это будет единственный раз. Получив деньги, она вернётся на родину, чтобы ухаживать за близкими, выйдет замуж, нарожает детей там и больше не появится в городе А.

Выходило, что это была «ссуда» без всякого намерения возвращать.

— Но я понимал, что сам виноват перед ней, и искренне хотел поскорее её отпустить, поэтому дал ей деньги. Тогда она сказала, что ей очень тяжело на душе, и попросила поесть вместе напоследок. Я согласился. Я думал — просто прощальный обед, чтобы побыстрее со всем покончить... — дедушка Хэ выглядел полным раскаяния.

— За столом она всё подливала мне вина. Я не подумал ничего плохого — дело было в обед, среди бела дня, в приличном ресторане. Случись это вечером, я бы насторожился. Но... А-Ин, ты ведь помнишь, какая у меня была выносливость к алкоголю в молодости. Я захмелел от её угощения. Не ожидал, что она... прямо там, в отдельном кабинете...

Словно стесняясь рассказывать о таком в преклонном возрасте и при детях, дедушка Хэ утёр лицо и продолжил.

— Когда я протрезвел, всё уже было кончено. Я был полон сожаления — зачем вообще пил с ней наедине. Я рассердился, спросил, зачем она это сделала. Она ответила, что не знала, как иначе отблагодарить меня. Деньги, которые я ей дал, она наверняка никогда не вернёт, —

значит, хотела хоть раз со мной переспать. Но понимала, что я ни за что не соглашусь, знала, что у меня слабая голова, и взяла инициативу в свои руки...

От этого объяснения уголки губ бабушки Хэ скривились в холодной, безрадостной усмешке, веки опустились.

Не дождавшись никакой реакции, дедушка Хэ был вынужден продолжать сам. — После этого она уехала домой. Мы больше не общались. А потом, когда ты была уже на сносях, она вдруг позвонила — сказала, что тоже вот-вот родит и что ребёнок от меня...

— Она сказала, что, когда узнала о беременности, снова приехала ко мне. Но случайно увидела, как я провожаю тебя — с большим животом. Она почувствовала, что обидела тебя, и не хотела разрушать нашу семью, поэтому решила тихо родить и воспитывать ребёнка сама.

— Но будучи беременной, она не решалась возвращаться домой — боялась сплетен, что люди догадаются, чей это ребёнок, и тем самым подставят меня. Поэтому сняла здесь жильё, намереваясь родить тут. Но когда срок подошёл, выяснилось, что оформление в роддоме требует документов. Многих у неё не было, да и денег не хватало. Деваться было некуда — и она снова пришла ко мне...

Затем дедушка Хэ заговорил с раскаянием.

Он сказал: если бы он знал тогда, что бывшая беременна, заставил бы её сделать аборт — пусть хоть совесть и мучила бы. Но когда он узнал, срок был уже почти подошёл. На таком сроке аборт невозможен. Однако бросить её на произвол судьбы он тоже не мог, поэтому договорился с больницей.

Неожиданно его бывшая девушка и его жена Хэ Ин родили почти одновременно — с разницей в один день. Бывшая родила на день раньше Хэ Ин — того, кто теперь зовётся Хэ Динбаном.

Бывшая сказала, что не может воспитывать ребёнка одна, и умоляла Цинь Кая найти способ привести его в семью Хэ — как ребёнка родственника, старого приятеля, кем угодно. Она обещала, что больше никогда не побеспокоит их.

Дедушка Хэ вздохнул. — Разумеется, я не согласился. Хотел дать им — матери и ребёнку — денег и отпустить с миром. Но... может, она решила, что я сомневаюсь в её словах. В тот же день она покончила с собой в больнице, оставив только Динбана.

На лице бабушки Хэ мелькнуло какое-то чувство.

Дедушка Хэ заметил, но не посмел обнадеживаться. — Я как раз думал, как признаться тебе и просить прощения, когда у тебя начались роды. Это был наш первый ребёнок. Роды были очень тяжёлыми, и ты потеряла сознание сразу после. По словам медсестры, которая вынесла

ребёнка, ты даже не успела его увидеть...

Пока бабушка Хэ Ин была без сознания, у новорождённого внезапно отказали органы. По воспоминаниям дедушки Цинь Кая, врачи и медсёстры заметили это почти сразу и сделали всё возможное, чтобы спасти ребёнка, но не смогли.

— Клянусь, они действительно не смогли. Не знаю, почему этот негодяй Нин Ичу пытается посеять раздор, намекая, что я намеренно велел не спасать ребёнка. Может, он делает это нарочно, а может, и сам был обманут. Всё-таки столько лет прошло — он наверняка слышал это от кого-то другого. А-Ин, зачем слушать чужих? Лучше спроси тех, кто сам всё пережил.

Говоря это, дедушка Хэ даже сумел придать себе вид полной открытости. — Ты можешь поехать в тот роддом и поспрашивать. Наверняка ещё найдётся один-два врача или медсестра из тех времён. Они точно вспомнят.

Бабушка Хэ по-прежнему молчала.

Голос дедушки Хэ стал тише. — Наш новорождённый ребёнок ушёл, а биологическая мать Динбана тоже как раз умерла. Я искренне не хотел причинять тебе боль. Не знал, как сказать тебе сразу и о гибели нашего ребёнка, и о том, что меня обманом сделали отцом ублюдка. Сообщить тебе обе новости разом — тебя бы это убило...

— Поэтому я сам договорился с врачами и медсёстрами, чтобы они помогли мне скрыть правду и сказали, что Динбан — наш ребёнок.

— Тогдашние врачи и медсёстры думали, что Динбан — подкидыш. Видимо, решили, что делают доброе дело, решающее сразу две проблемы. К тому же в те времена контроль во многих больницах был слабым. Пятьдесят три года назад — нормального оборудования почти не было... В общем, так всё и было скрыто.

— А-Ин, хранить этот секрет большую часть жизни — это камень на совести. Он всегда меня мучил. Теперь, когда всё наконец открылось — хоть я и обидел тебя, — эта тяжесть наконец свалилась с плеч... Если ты хочешь выгнать меня и Динбана из семьи Хэ, у меня нет лица просить тебя об обратном, но...

Голос дедушки Хэ немного окреп. — Все эти годы, если бы я был тебе неверен, ты бы с твоими способностями давно это обнаружила, правда? А Динбан... Динбан — шалопай, доставил нам немало хлопот за всю жизнь, но и он узнал о своём происхождении лишь сегодня. Прежде он считал тебя своей настоящей матерью. Он уже тоже немолод. Посмотри, как ему сейчас жалко...

Голос оборвался — дедушка Хэ закашлял, немощно, по-стариковски.

Бабушка Хэ не взглянула на Хэ Динбана. Вместо этого она покосилась на Нин Ичу — словно хотела посмотреть, найдётся ли ещё что сказать этому «осведомлённому человеку».

Нин Ичу изобразил полную невинность. — Бабушка, не смотрите на меня. Это не вас обманывали и растили чужого ублюдка пятьдесят три года. Если вы достаточно великодушны, чтобы простить, и хотите семейного мира — я, разумеется, возражать не стану.

Его саркастические слова снова подняли давление у бабушки Хэ, но она в конце концов совладала с собой и лишь спросила: — Откуда ты всё это узнал?

Дедушка Хэ был занят «кашлем» и не успел немедленно возразить.

Лицо бабушки Хэ потемнело. Она обратилась к Хэ Шисяю: — Ты хочешь подарить ему акции компании. Это серьёзно — или за этим что-то скрыто?

Видя, что Хэ Шисяй уже готов ответить без колебаний, бабушка Хэ быстро добавила: — Правду! Шисяй, твоя бабушка сегодня и без того пережила достаточно потрясений. Ещё одного я не вынесу.

Хэ Шисяй извинился. — Я тоже желаю тебе долголетия, бабушка. Насчёт акций — всё серьёзно. Все документы уже готовы. Я вызову адвоката ближе к вечеру. Остаётся только подпись А-Нина.

Бабушка Хэ, казалось, постарела ещё на несколько лет — лицо её было полно непонимания. — Почему? Раньше ты не хотел выполнять условия брачного союза с семьёй Нин, не хотел жениться на нём. Или это всё же правда то, что Жулинь говорил, — что он чем-то тебя держит?

— Нет, бабушка, — ответил Хэ Шисяй без тени колебания. — Причина, по которой я прежде не соглашался быть тем, кто выполняет брачный союз между семьями Хэ и Нин, заключалась в том, что семья Нин намеревалась выдвинуть другого человека, не А-Нина.

— А брак с А-Нином — я раньше не проявлял инициативы, потому что и сам тогда не разобрался в своих чувствах. Но я был уверен, что он не питает ко мне никаких чувств, и думал, что у него есть другие планы. Однако раз ему не против за меня выйти — мне этот брак тоже не кажется таким уж принудительным.

Нин Ичу склонил голову, напоминая: — Игра немного через край, звёздный Хэ.

Хэ Шисяй опустил взгляд и улыбнулся ему. — Я говорю правду. Просто пока всё это происходило, я сам ещё не разобрался... А к тому времени, когда понял, — было уже поздно.

Хэ Жучжу тихо пробормотал: — Но ещё несколько дней назад, когда Нин Ичу только переехал, шестой брат, ты был к нему вполне холоден. Разве ты не был возмущён, что он угрожал

покончить с собой, вынуждая тебя согласиться на брак...

Нин Ичу: — Вот видишь? Неловко, когда тебя выводят на чистую воду.

Хэ Шисяй оставался спокойным. — Тогда я был несправедлив к нему. Я думал, что происшествие несколько месяцев назад действительно его рук дело, и что он и правда готов был поставить на кон собственную жизнь — лишь бы я согласился жениться, — даже не удосужившись сначала спросить меня. На самом деле, если бы я знал, что он готов на мне жениться, я был бы очень рад выбрать именно такое решение. Не было нужды доводить до порезанного запястья.

Губы Нин Ичу слегка дёрнулись.

Хэ Шисяй опустил глаза. — Но, думая об этом трезво, я был слишком самонадеян. Этот брак не стоил того, чтобы ставить жизнь на кон. И я был слишком высокомерен — почему я ждал, что он первым сделает шаг? Ведь я и сам никогда не предлагал ему поговорить. Поэтому теперь — как видите — он не хочет иметь со мной ничего общего, и поделом.

Эта речь застала семью Хэ врасплох и накрыла комнату тяжёлой, торжественной тишиной.

То, что Хэ Шисяй зашёл так далеко, ясно говорило: он серьёзен. Но члены семьи Хэ, недолюбливавшие Нин Ичу, — особенно после того, как тот только что устроил переполох, разворошив скандал с происхождением Хэ Динбана, — были совсем не рады такому повороту.

Хэ Жучжу растерянно встрял: — Разве не он подсыпал тебе в питьё наркотики? Разве это дело не было закрыто и улики не были признаны неопровержимыми? Шестой брат, тебя что, любовь ослепила?.. Стоп, как мы вообще перешли к признанию в любви от шестого брата? Мы же только что говорили о... А, ладно. Шестой брат, продолжай, пожалуйста, своё признание.

На полуслове Хэ Жучжу вспомнил, о чём они говорили раньше, — что его отец является плодом дедушкиной измены и что бабушка была обманута на протяжении более пятидесяти лет. В сравнении с этим сцена признания звучала куда лучше.

Однако напоминание Хэ Жучжу вынудило всех — хотели они того или нет — вернуться к теме происхождения Хэ Динбана.

Хэ Динбан готов был отдать своего «драгоценного» сыночка под горячую руку.

Для вас старалась команда Webnovels ☐

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/17086/1598641>